
КОСМОС КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2.168.522

DOI: 10.31249/hoc/2024.01.07

Едошина И.А.*

ДАНТЕ КАК «ПЕРСОНАЛЬНАЯ МИФОЛОГЕМА» Н.П. АНЦИФЕРОВА®

Аннотация. Главной темой статьи является репрезентация Данте в качестве концептов «мифологема» и «персональная мифологема». Материалом для проведения аналитических процедур взяты исследования, дневниковые записи, письма, автобиографии Н.П. Анциферова, свидетельства современников. Цель статьи заключается в представлении Данте как «персональной мифологемы». Используются аналитический, историко-культурный, биографический методы. В результате раскрывается содержание «персональной мифологемы» как формы творческого осмысления усеченной до имени «мифологемы».

Ключевые слова: концепт; «мифологема»; «персональная мифологема»; биография; творчество.

Поступила: 24.05.2023

Принята к печати: 30.06.2023

**Едошина Ирина Анатольевна – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры истории Костромского государственного университета, Кострома, Россия; tettixgreek@yandex.ru*

Edoshina Irina Anatolyevna – DSc in Culturology, Professor, Professor of the Department of History of the Kostroma State University, Kostroma, Russia; tettixgreek@yandex.ru

© Едошина И.А., 2024.

Для цитирования: Едошина И.А. Данте как «персональная мифологема» Н.П. Анциферова // Вестник культурологии. – 2024. – № 1(108). – С. 112–127. – DOI: 10.31249/hoc/2024.01.07

Edoshina I.A.

Dante as a «personal mythologeme» by N.P. Antsiferov

Abstract. The main theme of the article is the representation of Dante as the concepts of “mythologeme” and “personal mythologeme”. The basis for analytical procedures are research, diary entries, letters, autobiographies of N.P. Antsiferov, testimonies of contemporaries. The purpose of the article is to present Dante as a “personal mythologeme”. Analytical, historical-cultural, biographical methods are used. As a result, the content of “personal mythologeme” is revealed as a form of creative understanding of “mythologeme” truncated to the name.

Keywords: concept; “mythologeme”; “personal mythologeme”; biography; creativity.

Received: 24.05.2023

Accepted: 30.06.2023

For quoting: Edoshina I.A. Dante as a «personal mythologeme» by N.P. Antsiferov // Herald of Culturology. – 2024. – № 1(108). – P. 112–127. DOI: 10.31249/hoc/2024.01.07

Введение

Культурологию часто упрекают за размытость научного аппарата, что служит основанием для скепсиса в отношении всей области культурологического знания, которое обыкновенно купируется до «грядок» из разных видов искусств. Между тем никто из гуманитариев не обходится без слова «культура». Более того, такие именитые отечественные исследователи, как, например, Д.С. Лихачев или Ю.М. Лотман, особенно в зрелом возрасте, делают культуру специальным предметом изучения.

Культура – понятие универсальное, потому калькируется в разных языках, охватывая все области человеческой деятельности и отражая их скрытые связи в сложной, многоуровневой и полисемантической «картине мира» определенного времени. Столь специфическая область знания рождает адекватный научный аппарат – не столько в пределах устоявшихся терминов (всегда ограничивающих область знания), сколько концептов как подвижных «бочонков смыслов» (Г.Г. Шпет). Одним из таких концептов является «мифологема», разновидность которой определяется как «персональная мифологема» [Едошина, 2009, с. 79–80]. Основу мифологеми составляет общеизвестный сюжет, подчас свернутый до именованного, но всегда служащий источником для творчества в самом широком смысле слова. Процесс творческого осмысления мифологемного сюжета / имени формирует содержание концепта «персональная мифологема».

Данте уже давно вышел за пределы своей биографии и своего творчества, став, по определению Дж. Рёскина, «центральным человеком мира» [цит. по: Доброхотов, 1990, с. 92]. В России Данте известен с «осмнадцатого» столетия и является с тех пор неиссякаемым источником вдохновения для деятелей русской культуры. Подробнее см.: [Асоян, 2015].

Мифологема «Данте» на путях персонализации

Предметом данной статьи является концепт «мифологема», объектом – концепт «персональная мифологема». Использование данных концептов в отношении текстов Анцифорова способствует их адекватному наполнению смыслами, формируемыми личностью и поэзией Данте. Подобный подход в отношении жизни и творчества Анцифорова осуществляется впервые, что определяет новизну статьи.

Н.П. Анциферов прожил большую и творчески напряженную жизнь, внимательно изучая жизнь города. Как результат – им разработаны концепты *genius loci*, «душа города», с помощью которых Анциферов представляет город как место, где видимое и невидимое, настоящее и прошедшее, живое и памятное соединены в единое целое. Данте с его «космологическим» видением мира становится для Анцифорова уникальным источником творческого вдохновения.

Истоки интереса Н.П. Анциферова к Данте

Все началось еще в гимназии, на одном из выпускных экзаменов, когда Анциферов выбрал тему сочинения «Какие литературные образы имеют большое общественное значение – положительные или отрицательные?» По его воспоминаниям, в те годы предполагался ответ «отрицательные». В этой связи Анциферов поясняет: «Да откуда и взять убедительные положительные образы? Не случайно у Данте “Ад” создан много ярче и правдивее, чем “Рай”». Позднее, комментируя эту запись, он заметит: «Это, конечно, неверно. “Рай” не менее гениален, чем “Ад” и “Чистилище”» [Анциферов, 1992, с. 133]. Между этими двумя записями пролегает не просто значительный временной промежуток, а целая жизнь их автора, в которой было всё: и увлечение «отрицательными» образами, и страшные по своей разрушительности последствия этого увлечения. Но в данном случае важно другое: запись и примечание к ней определяют вектор восприятия Анциферовым «Божественной комедии» Данте. Он сам в своей судьбе пройдет путями от Ада (сначала сугубо литературного, а потом в действительности) к Раю (обретенному в любви и семье, потом утраченному и вновь обретенному) в незримом сопровождении Данте.

Рядом с приведенной записью все время появляется «№ 37» - это номер дома по Малой Владимирской в Киеве, где жила Таня Оберучева, возлюбленная юного Анциферова, его Беатриче. Он пишет почти что гимн женщине, замечая в конце: «...женщина часто бывала вдохновительницей и соучастницей творчества мужчины, и Беатриче – соавтор Данте в “Божественной Комедии”» [Анциферов, 1992, с. 143]. А для Анциферова такой вдохновительницей станет его супруга Татьяна Оберучева. Они поженились в 1914 году, проведя часть свадебного путешествия в Италии; переживут смерть детей в 1919 году, но пережить второй арест мужа его возлюбленная не сумеет – умрет в сентябре 1929 года от скоротечной чахотки. Подобно Дантовой Беатриче, Татьяна уйдет в надзвездный мир, неизменно являясь в трудные минуты: «И снился мне сон. Я в Киеве, в вишневом саду... Вишни в цвету. Нежным светом утреннего солнца озарены они. Я спускаюсь вниз по склону горы, и вот из-за вишен выходит Таня, вся в белом. Такую я называл ее в Риме – “вишенка моя белая”. И с улыбкой протягивает мне пакет, отнятый у меня при обыске. И я проснулся. Вот она, “ма-

ленькая радость, маленькое утешение”, посланное мне без молитвы. Сон оставил в душе след. Жизнь еще не кончена, и радость будет» [Анциферов, 1992, с. 369–370]. Все это случится потом, позднее, но начиналось в юности, вблизи Данте.

Анциферов поступает в Петербургский университет, избрав медиовистику в качестве специальности; учится успешно, и его оставляют на кафедре для дальнейшей научной работы. В автобиографии Анциферов напишет: «Из моих студенческих работ выросли статьи “Следы Рима в творчестве Данте”, “Черты светского быта во французском городе (Париж XII и XIII в.)”, “Mater Francisais (к проблеме раннего ренессанса)”» [цит. по: Плотников, 2015, с. 244].

Итальянский поэт не покидает мыслей Анциферова, закономерно приведя его в семинарий по Данте, проводимый проф. И.М. Гревсом, который, в свою очередь, увидел в молодом человеке «внутреннее сродство во многих стихиях души» [цит. по: Анциферов, 1992, с. 473]. Как видим, и сам Анциферов в восприятии другого человека оказывается сродни стихийному началу, не считываемому сугубо рационально. Благодаря семинарию Гревса Данте обретет у Анциферова, обладавшего даром «понимать тончайшие человеческие чувства» [Можанская, Андреева, 2019, с. 227], мифологемные очертания.

По следам Данте в Италии

В семинарии Гревса по Данте учились понимать другую культуру через усвоение ее языка (в данном случае - итальянского) в соответствующем историческом контексте. От своих учеников Гревс требовал знаний о том времени, в которое жил Данте, о тех понятиях, которые были ему близки. Эпоха Данте должна была стать близкой и понятной в своей неповторимости. Эти занятия являлись своеобразной прелюдией к поездке в Италию, чтобы в итоге полученные из книг знания обрели физические очертания. Собственно, именно в Италии, в тех местах, где жил и творил Данте, начинает формироваться «персональная мифологема» Анциферова.

В описании увиденного во время путешествия в Италию в 1912 году Анциферов перемежает свое слово со словом Данте, свое восприятие мест и событий с тем, как они увиденны великим итальянцем. В Равенне группа во главе с Гревсом останавливается во дворце

Франчески да Римини. Мрачные старые стены не кажутся привлекательными, но Анциферов тут же уходит от реального к нереальному – к теням Франчески и Паоло, чтобы вслед за Данте сказать: «*Ecaddi, come sogro morto cade* [Dante, 2002, vol. 1, p. 60]¹. (Упал, как падает мертвое тело)» [Анциферов, 1992, с. 286]. Как верный ученик Гревса, придававшего особое значение постижению «немых» памятников в их родной топографии, Анциферов «озвучивает» немые потемневшие стены дворца, чтобы преодолеть время и воскресить былое, но не ушедшее. Это не ушедшее обретает вечные очертания в роскошной фонологии итальянской строки, которую Анциферов старается передать в переводе. Так Данте становится источником собственного творчества Анциферова.

Его воспоминания наполняются образностью, а лес в Пинетте (что в первой песне ко всей «Божественной комедии») превращается в храм, лучи закатного солнца золотят воздух, вызывая в памяти строки из Лоренцо Медичи: «Тень Данте с профилем орлиным / О вечной жизни нам поет» (пер. Н.П. Анциферова) [Анциферов, 1992, с. 287]. Незадолго до смерти Анциферов вернется к мотиву леса, но уже не как у Данте – *«selvaselvaggia»* – и не как прекрасный лес-храм, увиденный им когда-то в Пинетте. В 1957 году в письме к М.В. Юдиной он пишет из больницы: «А потом разрешат отправить в Малеевку, в лес, о чем я очень мечтаю» [Юдина, 2008, с. 187]. Лес – как образ инобытия, когда жизненный путь почти завершен.

Помимо сугубо художественного источника, образы Дантовой поэмы подвигают Анциферова к сравнению того, как два художника убедительно изображают рай и совершенно беспомощно – ад уже безотносительно «Божественной комедии». Два художника – Андреа Орканья и Фра Анжелико. «Прозрачные фрески» Фра Анжелико – «записанные им видения... рассказ художника о пережитом им самим» [Анциферов, 1992, с. 292]. По существу, это то же самое, что случилось с Данте: современники были уверены в том, что автор «Божественной комедии» рассказал о виденном и пережитом, о случившемся. Здесь находится источник творческого кредо Анциферова: «миф о б у с л о в л е н былью» [Анциферов, 1924, с. 6].

Его «роман» с Данте не был безоблачным. Когда из Флоренции группа отправилась по следам Франциска Ассизского, то его «светлый аскетизм» оказался дороже «сурового Данта» (А.С. Пушкин), но толь-

ко на время, чтобы в итоге обоим уместиться в памяти, однако приоритет останется за автором «Божественной комедии».

В январе 1914 года Анциферов защищает магистерскую работу по теме «Данте и эпоха». Но тема «Данте» его не покидает. Он открывает в этой теме новый аспект – мистический – конечно, не случайно. В российских городах (особенно в столицах) начала XX века было повальное увлечение мистикой, спиритическими сеансами. В 1914 году выходит книга В. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика», которая завершается характеристикой специфических сторон в русской мистической литературе. Судя по приведенному сообщению Анциферова, его размышления о русских мистиках отвечают духу времени. В 1916 году в письме к другу Григорию Фортунатову он сообщит, что «занимался социальным мистицизмом в России (Одоевский, Тютчев, Печерин, Чаадаев, Киреевские) и Данте» [Анциферов, 2021, с. 50]. Так через Данте в «персональной мифологеме» Анциферова появляется мистический аспект, а значение Данте только возрастает.

Анциферов в хождениях по кругам большевистского ада

Начало литературной деятельности Анциферова приходится на 1917 год. Он печатается, преподает, у него рождаются дети. И тем не менее весной 1918 года в письме к А.Ф. Фортунатову Анциферов приводит цитату из «Божественной комедии» Данте на итальянском языке: «...Nessun maggior dolore, / Che ricordasi del tempo felice / Nella miseria...» [Dante, 2002, vol. 1, p. 60; Анциферов, 2021, с. 58] («Тот страдает высшей мукой, / Кто радостные помнит времена / В несчастьи» – пер. М. Лозинского [Данте, 1967, vol. 1, с. 30]). И далее, словно подумав, добавляет: «Одно из двух – или он неправ, или же все же наше время далеко еще от Nellamiseria»² [Dante, 2002, vol. 1, p. 60]. Анциферов пророчески видит в большевиках, захвативших власть в стране, источник несчастья, страдания как для всей страны, так и для себя лично. Он оказался прав: первый раз его арестовывают в 1925 году совсем ненадолго, затем в 1929-м и уже с приговором – 3 года лагерей, в 1931 году – увеличение срока до 5 лет, в 1933 году – освобождение, в 1937 году вновь арестован, но освобожден в конце 1939 года. Вместе с Анциферовым круги большевистского ада проходили

те, кто принял участие «в сборе денег для детей репрессированного врага народа Анциферова», – Г.А. Штерн, давний друг Анциферова, и профессор Д.А. Золотарев [Московская, 2009, с. 198].

В этих кругах несвободы мифологема «Данте» становится для Анциферова его жизнью в самом прямом смысле слова, ему незачем обращаться к текстам великого итальянца. Тем не менее Данте как писатель не уходит из его бытия. Незадолго до ареста он занят поисками возможности приобрести Дантову *Vita nuova* издательства *Academia* – безрезультатно. Есть в этом факте, внешне самом обыкновенном, скрытый символизм: не приобретенная *Vita nuova* словно дается Анциферову как новая жизнь в кругах большевистского ада.

В заключении он подчас неожиданно для самого себя обнаруживает присутствие Данте, например, в одном из своих товарищей по несчастью: «Он поразительно в своей шапке с опущенными ушами похож на Данте. Когда я смотрю на него вечером при тусклом свете керосин. лампы – мне и прямо кажется фигурой, спустившейся с фрески Орканьи (добавлю: того самого, чьи работы он видел во время поездки по Италии в 1912 году. – *И. Е.*)» [Анциферов, 2021, с. 298]. Позднее он нарисует этого товарища по несчастью в письме своей второй жене. Узнав от нее о смерти О.Н. Добиаш-Рождественской, он пишет, что умершая «походила лицом на Данте» [Анциферов, 2021, с. 419]. В другом письме помещает Данте в круг философов (Платона, Спинозы), противопоставляя им Вл. Соловьева, в котором его современники нашли то, что искали, – «сияющий свет» [Анциферов, 2021, с. 439].

В заключении он сталкивается с непримиримым противником Данте в лице малообразованного обезьяноподобного Жигачева, чья преданность революции проявилась в требовании изъять «мистическую книгу “Ад” Данте» из библиотеки [Анциферов, 1992, с. 333].

К своей возможности покинуть круги большевистских тюрем и лагерей Анциферов относился с большим скепсисом, цитируя известные строки из «Божественной комедии»: «*Lasciate ogni Speranza*» [Dante, 2002, vol. 1, p. 35; Анциферов, 2021, с. 370]. Анциферов специально пишет итальянское слово «*Speranza*» с заглавной буквы, чего нет в подлиннике, и пропускает продолжение «*voi, ch'entrate*» [Dante, 2002, vol. 1, p. 35], что вполне закономерно: он уже давно вброшен в этот мир зла и ненависти, где человек превращается просто в некий

номерной знак, в единицу заключения. Здесь нет и не может быть места надежде, да еще с заглавной буквы. Через цитирование надписи над входом в Ад из «Божественной комедии» Анциферов завуалированно (это фрагмент из письма) передает свои чувства в условиях несвободы.

Наконец, здесь же, в заключении, впервые мифологема «Данте» наполняется обращением к переводу «Божественной комедии» на русский язык. В 1939 году вышла «Божественная комедия. Ад» в переводе М.Л. Лозинского и с комментариями И.М. Гревса. Анциферов, который был хорошо знаком с обоими, на это событие откликается в письме к жене: «Я даже не прошу Данте в переводе Михаила Леонидовича. Все равно не дойдет. Но мне бы очень хотелось, чтобы в мою память тебе ее подарили. Я так много поработал над этой книгой и впоследствии так часто вспоминал ее» [Анциферов, 2021, с. 385]. Безнадежностью (той самой – «Lasciateogni Speranza») веет от слов «в мою память», написанных живым (пока еще!) человеком.

Однако ничуть не лучше жилось тем, кто был не за колючей проволокой. Профессор, блестящий ученый-медиевист, комментатор «Божественной комедии» Гревс и его супруга ютились в уплотненной квартире, в которую заселились «совершеннейшие садисты и задались целью извести стариков», могущих только плакать без всякой надежды на лучшее [цит. по: Анциферов, 2021, с. 472]. Большевизм, как мир без форточки у Достоевского, несет только несчастье и смерть, независимо, по какую сторону колючей проволоки находится человек.

Но Анциферов обладал одной особенностью, свойственной и Данте: умением сохранить самоё себя, пройдя по всем кругам Ада. Как заметила его современница, «любуешься на этого вечно душевно возрождающегося человека, как феникс из огня» [Юдина, 2008, с. 455].

Лозинские как мотив в «персональной мифологеме»

Л.М. Лозинский начинал свою творческую деятельность как поэт в группе акмеистов во главе с Николаем Гумилёвым. Вскоре после октябрьского переворота Николая Гумилёва расстреляют, а через полвека сообщат о полной невиновности. Лозинский, как многие его товарищи по цеху, уходит в переводы. Но страшное по своей бессмыс-

ленности и жестокости уничтожение большевиками исторического прошлого России не могло не вызвать ответной реакции. Лозинский, как и Анциферов, принимает участие в создаваемых обществах по сохранению культурного наследия дореволюционной России. Петербург как город-символ был дорог им обоим. Лозинский видел в Анциферове друга и сподвижника.

Какие бы перипетии ни происходили с Анциферовым, он всегда находил время для общения с Лозинским и его супругой Татьяной Лозинской. После освобождения в 1939 году он навещает их в Ленинграде, и двери их дома ему были открыты. В 1943 году Лозинский даст Анциферову рекомендацию для вступления в члены писательского союза, назвав его «художником слова» [Плотников, 2015, с. 250]. В Татьяне Лозинской Анциферов видел ангела-хранителя своего и своих детей.

Анциферов присутствует на публичных чтениях Лозинским фрагментов из своего перевода «Божественной комедии». Так, в марте 1944 года такие чтения состоялись в «Клубе писателей». А.К. Джигелегов, автор предисловия к первому изданию «Чистилища», произнес вступительное слово. Затем Лозинский читал свой перевод, Анциферов искренне радовался успеху своего друга и коллеги.

Осенью «Чистилище» выходит из печати, и Лозинский посылает Анциферову и Томашевскому «записочку на право покупки по 1^{му} экземпляру» [Анциферов, 2021, с. 504]. С большим трудом Анциферову удастся приобрести еще несколько экземпляров, чтобы поделиться с ближайшими друзьями. В книжные магазины книга эта не поступила.

Весной 1946 года Анциферов принимает участие в вечере, посвященном Данте. В ходе вечера возник диспут о переводе Лозинского, которого стали упрекать в том, что он не тем языком перевел «Божественную комедию»: не современным. Когда Анциферов увидел, что зал сочувствует этим упрекам, он «вспомнил свои думы о Данте и выступил на защиту», доказывая, что язык перевода должен соответствовать времени написания поэмы. «Зал мне аплодировал стоя» [там же].

Смерть Михаила и Татьяны Лозинских друг за другом больно ранит его сердце. У их гробов он скажет: «Мы смотрим последний раз на двух замечательных людей, навеки неразлучных... О Михаиле Леонидовиче было сказано много хорошего, я буду говорить только о Татьяне Борисовне. Это была воплощенная человеческая совесть. Че-

ловек, одаренный редким талантом деятельной любви, свет которой освещал жизнь многих и многих. Тихая любовь – высшая ценность. Михаил Леонидович совершил творческий подвиг, переведя “Божественную комедию”, которая кончалась словами о любви: *L’amor che muove il sol e l’altre stelle*” [Dante, 2002, vol. 3, p. 830] – любовь, которая движет мирами»⁵ [Анциферов, 2021, с. 548–549].

Как обычно, Анциферов, если обращается к переводу, то дает собственный и всегда не дословный, в данном случае расширяя область любви до миров, куда органично входит и мир земной. Звучащий на итальянском языке гимн любви словно преодолевает смерть, как преодолел ее автор «Божественной комедии».

Дантов след в диссертации Анциферова

В 1944 году Анциферов защищает в ИМЛИ диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по теме «Проблема урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций».

Одной из особенностей диссертации Анциферова является нескрываемая «поэтичность» научной манеры, которая, по мысли Д.С. Московской, является следствием «разработанного им метода локально-исторического исследования беллетристики» [Московская, 2010, с. 132]. Но с той же вероятностью можно предположить, что звучание высокого классического слова в его разных языковых вариациях, легко извлекаемого из памяти и цитируемого (что было свойственно Анциферову), может не в меньшей, если не в большей степени определять указанную манеру письма. И Данте здесь явный премьер.

На еще один возможный путь «поэтичности» научного письма Анциферова указал его ученик и друг Г.А. Штерн: «Он шел не от художественного образа к его подлинному прототипу, а наоборот. Он стремился показать путь от реальности к художественному воплощению» [цит. по: Враская, 1981, с. 310].

Вот Анциферов обращается к Парижу Бальзака, отмечая страсти, которыми одержим базльзаковский Париж: «И эти необузданные страсти превращают город в Ад, по кругам которого бродит урбанист-философ, но это блуждание не есть восхождение к звездам, к которым

выбрался из своего Inferno Данте (само название “Comédie humaine” есть отзвук Дантовой “Divina comedia”))» [Анциферов, 2009, с. 78]. Если Данте сохраняет гармоническое состояние личности как творение Божие, то Бальзак раздираем страстями магического круга Парижа.

Идя вслед за Бальзаком кругами ада его «Человеческой комедии», Анциферов отмечает те, которые в Бальзаке обретают своего Данте.

По мысли Анциферова, «Достоевский, столь насыщенный творениями Бальзака, в романе “Преступление и наказание” рисует Петербург так же, как своего рода Inferno, как “ад крошечный”» [Анциферов, 2009, с. 393]. И далее он пишет, что грехи обступают человека еще в «дремучем лесу: грех гордыни (*superbia*) и сладострастия (*luxuria*). Третий грех – *cupiditas*, олицетворенный волчицей... связан с... процентщицей» [там же]⁶.

Как видим, и в сугубо научном труде Дантовы образы не покидают Анциферова, их следы он легко обнаруживает как в зарубежной, так и в русской литературе. Причем все его наблюдения базируются на собственном чувственном восприятии и Флоренции, и Парижа, и Петербурга, подобно тому, как средневековые образы Данте, Бальзака, Достоевского рождены конкретными временем и местом. Здесь угадывается уже процитированное творческое кредо Анциферова: «Миф обусловлен былью».

Заключение

Таким образом, в мифологеме «Данте» фокусируются знания Анциферова, связанные с жизнью великого флорентинца. Эти знания он добывает через изучение исследовательской литературы, непосредственно творчества Данте, через непосредственное (чувственно-тактильное) приобщение к местам его бытия. В сумме это и есть собственно мифологема, в итоге усеченная до имени – «Данте».

Далее Анциферов использует эту мифологию как источник для собственного творчества. Сам Данте, его поэтические образы словно поселяются во внутреннем мире Анциферова, то его корректируя, то рождая ассоциации, то помогая что-либо понять и т.д. Его возлюбленная – как Беатриче, его жизнь была вброшена в круги ада, в которых ему посчастливилось не погибнуть, его друг и коллега – переводчик Данте, он пишет научный труд, где вновь не уходит от великого ита-

льянца. Все эти сугубо личностные обращения к Данте образуют «персональную мифологему» как неиссякаемый источник для творчества.

Примечания

¹ Все цитаты на итальянском языке сверены и даны по оригиналу, поскольку в публикации допущены неточности.

² Прямой перевод – «В страдании».

³ Перевод: «Оставьте надежду». В этих словах из «Божественной комедии» Анциферов передает «дух» эпохи, о чем свидетельствуют, например, и воспоминания графа В.П. Зубова: «Нечеловеческие дела творились там (в застенках. – *И. Е.*) спокойно и методично. Не Ад Данте, не Ад Микеланджело и не камеры пыток Маньяско, а присутственное место как всякое другое. (...) Наконец открылась решетка, разделявшая коридор, и нам открылся доступ во “Святое Святых”: “Lasciate ogni speranza voi ch'entrate”. Затем мы пересекли двор с церковью посередине, в которой, конечно, не исправлялось богослужений, и вошли в одно из окружавших двор низких зданий, напоминавших вместе с церковью скорее православный монастырь, чем тюрьму. В коридоре, в который мы теперь вошли, нас одного за другим регистрировали. ...Меня поместили в довольно обширной камере, человек на 20-25. Дверь находилась направо в одной из продольных стен, в противоположной было два окна с видом на церковь. Вдоль стен и посреди комнаты стояли кровати в виде гамаков из материи, подвешенных к козлам, надо было самому собрать и связать эту кровать. ...Длинный стол из некрашеной сосны... и несколько табуретов дополняли меблировку, у дверей стояла “параша”, опорожнявшаяся два раза в день и распространявшая зловоние. В уборную водили всех обитателей камеры вместе утром и вечером, а в остальное время хоть лопни. Пища во всех тюрьмах была одинаковой: утром кипятков и сто граммов черного хлеба на целый день; два раза “суп”, то есть мутная вода с запахом селедки и горошиной на дне. Только те, что получали передачи извне, могли держаться, остальные питались объедками этих счастливицков, если они благоволили что-нибудь уделять. Отныне предо мной потянулась через все тюрьмы, которые “провидение” позволило мне посетить, пестрая вереница человеческих образов. Перо Бальзака было бы достойно изобразить их одного за другим» [Зубов, 2004]. Поразительно, но в диссертации Анциферов будет писать, в том числе, о Бальзаке как французском варианте Данте.

⁴ «Вы, кто входите».

⁵ Публикаторы в сноске дают перевод М.Л. Лозинского: «Любовь, что движет солнце и светила» [Анциферов, 2021, с. 549].

⁶ На связь романов Бальзака и творчества Достоевского много раньше указал Л.П. Гроссман, отметив, что Бальзак остался для Достоевского, «как Вергилий для Данте», был «учителем, приобщившим его к тайнам своего искусства и верным руководителем по всем его темным и опасным переходам» [Гроссман, 1919, с. 27].

Список литературы

Анциферов Н.П. Быль и миф Петербурга. – Петербург : Брокгауз и Ефрон, 1924. – 86 с.

Анциферов Н.П. Из дум о былом: воспоминания / вступ. статья, сост., примеч. А.И. Добкина. – Москва : Феникс : Культурная инициатива, 1992. – 512 с.

Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / сост., подгот. текста, послесл. Д.С. Московской. – Москва : ИМЛИ РАН, 2009. – 584 с.

Анциферов Н.П. «Такова наша жизнь в письмах»: письма родным и друзьям (1900-1950-е годы) / отв. ред.-сост., предисл. Д.С. Московская. – Москва : НЛЮ, 2021. – 640 с.

Асоян А.А. Данте в русской культуре. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 288 с. – (Humanitas).

Враская О.Б. Архивные материалы И.М. Гревса и Н.П. Анциферова по изучению города // Археографический ежегодник за 1981 год / отв. ред. С.О. Шмидт. – Москва : Наука, 1981. – С. 303–315.

Гроссман Л.П. Бальзак // *Гроссман Л.П.* Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. – Одесса, 1919. – С. 27–63.

Данте Алигьери. Божественная Комедия / пер. М. Лозинского ; изд. подгот. И.Н. Голенищев-Кутузов. – Москва : Наука, 1967. – 628 с.

Доброхотов А.Л. Данте Алигьери. – Москва : Мысль, 1990. – 207 с.

Едошина И.А. Миф, мифологема, мифема в контексте деятельностного подхода к феноменам культуры // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – № 1(3). – С. 79–81.

Зубов В.П. Страдные годы России / сост., коммент. Т.Д. Исмагулова. – Москва : Индрик, 2004. – URL: <http://you1917-91.narod.ru/zubov.html> (дата обращения 29.04.2023)

Можанская А.Ф., Андреева М.Ф. «Я избрал пути истины, Господи»: жизненный путь и служение протоиерея Феодора Андреева. 1887–1929. – Москва : ПСТГУ, 2019. – 648 с.

Московская Д.С. Николай Павлович Анциферов : новые материалы к библиографии // Русская литература. – 2009. – № 4. – С. 192–206.

Московская Д.С. Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920-1930-х гг. К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. – Москва : ИМЛИ РАН, 2010. – 432 с.

Плотников К.И. К биографии Н.П. Анциферова (по материалам личного дела из архива Союза советских писателей) // Третьи Анциферовские чтения : сборник статей / отв. ред.-сост. Д.С. Московская. – Москва : ГЛМ : ИМЛИ РАН : Летний сад, 2015. – С. 239–253.

Юдина М.В. Жизнь полна смысла. Переписка 1956–1959. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 600 с. – (Российские Пропилеи).

Dante Alighieri. La Divina Commedia : in tre volumi / con commenti di Eugenio Camerini. – Roma : Fratelli Spada Editore, 2002. – Vol. 1 : Inferno. – P. 13–320.

Dante Alighieri. La Divina Commedia : in tre volumi / con commenti di Eugenio Camerini. – Roma : Fratelli Spada Editore, 2002. – Vol. 3 : Paradiso. – P. 603–838.

References

Antsiferov, N.P. *Byl' i mif Peterburga* [Reality and myth of Petersburg]. Peterburg, Brokgauz i Efron Publ., 1924. 86 p. (In Russ.)

Antsiferov, N.P. *Iz dum o bylom: Vospominaniya* [From thoughts about the past: Memories], vstup. stat'ya, sost., primech. A.I. Dobkina [entry. article, comp., note. by A.I. Dobkin]. Moscow, Feniks, Kul'turnaya initsiativa, Publ., 1992. 512 p. (In Russ.)

Antsiferov, N.P. *Problemy urbanizma v russkoy khudozhestvennoy literature. Opyt postroeniya obraza goroda – Peterburga Dostoevskogo – na osnove analiza literaturnykh traditsiy* [Problems of urbanism in Russian fiction. Experience in building image of city - Dostoevsky's Petersburg - based on analysis of literary traditions], sost., podgot. teksta, poslesl. D.S. Moskovskoy [comp., prepared. text, afterw. by D.S. Moskovskaya]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2009. 584 p. (In Russ.)

Antsiferov, N.P. «*Takova nasha zhizn' v pis'makh*»: *Pis'ma rodnym i druz'yam (1900-1950-e gody)* [“Such is our life in letters”: Letters to relatives and friends (1900-1950s)], otv. red.-sost., predisl. D.S. Moskovskaya [comp. ed., forew. by D.S. Moskovskaya]. Moscow, NLO Publ., 2021. 640 p. (In Russ.)

Asoyan, A.A. *Dante v russkoy kul'ture* [Dante in Russian culture]. Moscow; Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2015. 288 p. (In Russ.)

Vraskaya, O.B. Arkhivnye materialy I.M. Grevs i N.P. Antsiferova po izucheniyu goroda [Archival materials of I.M. Grevs and N.P. Antsiferov about study of city]. In *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1981 god* [Archeographic Yearbook for 1981], otv. red. S.O. Shmidt [ed. S.O. Schmidt]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 303-315. (In Russ.)

Grossman, L.P. Bal'zak [Balzak]. In Grossman L.P. *Biblioteka Dostoevskogo. Po neizdannym materialam* [Dostoevsky Library. Based on unpublished materials]. Odessa, 1919, pp. 27-63. (In Russ.)

Dante, Alig'eri. *Bozhestvennaya Komediya. Per. M. Lozinskogo* [Divine Comedy. Transl. by M. Lozinsky], izd. podgot. I.N. Golenishchev-Kutuzov [publ. was prepared by N.M. Golenishchev-Kutuzov]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 628 p. (In Russ.)

Dobrokhotoy, A.L. *Dante Alig'eri* [Dante Alighieri]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 207 p. (In Russ.)

Edoshina, I.A. Mif, mifologema, mifema v kontekste deyatel'nostnogo podkhoda k fenomenam kul'tury [Myth, mythologeme, mytheme in the context of an activity approach to cultural phenomena]. In *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 1(3), 2009, pp. 79-81. (In Russ.)

Zubov, V.P. *Stradnye gody Rossii* [Suffering years of Russia], comp., comment. T.D. Ismagulova. Moscow, Indrik Publ., 2004. URL: <http://you1917-91.narod.ru/zubov.html> (date of application: 29.04.2023). (In Russ.)

Mozhanskaya, A.F., Andreeva, M.F. «*Ya izbral puti istiny, Gospodi*»: *Zhiznennyy put' i sluzhenie protoiereya Feodora Andreeva. 1887-1929* [«I have chosen the path of truth, God»: The life path and ministry of priest Feodor Andreev. 1887-1929]. Moscow, PSTGU Publ., 2019. 648 p. (In Russ.)

Moskovskaya, D.S. Nikolay Pavlovich Antsiferov: Novye materialy k bibliografii [Nikolai Pavlovich Antsiferov: New materials for bibliography]. In *Russkaya literature*, no 4. 2009, pp. 192-206. (In Russ.)

Moskovskaya, D.S. *N.P. Antsiferov i khudozhestvennaya mestnografiya russkoy literatury 1920-1930-kh gg. K istorii vzaimosvyazey russkoy literatury i kraevedeniya* [N.P. Antsiferov and artistic localography of Russian literature in 1920s-1930s. On the history of relationship between Russian literature and local history]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2010. 432 p. (In Russ.)

Plotnikov, K.I. K biografii N.P. Antsiferova (po materialam lichnogo dela iz arkhiva Soyuza sovetskikh pisateley) [To biography of N.P. Antsiferov (based on personal files from the archive of the Union of Soviet Writers)]. In *Tret'i Antsiferovskie chteniya: Sbornik statey*, otv. red.-sost. D.S. Moskovskaya [Third Antsifer readings: Collection of articles, ed., comp. D.S. Moskovskaya]. Moscow, GLM, IMLI RAN, Letniy sad Publ., 2015, pp. 239-253. (In Russ.)

Yudina, M.V. *Zhizn' polna smysla. Perepiska 1956–1959* [Life is full of meaning. Correspondence 1956–1959.]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 600 p. (In Russ.)

Yudina, M.V. *Vysokiy stoykiy dukh. Perepiska 1918-1945 gg.* [High enduring spirit. Correspondence 1918-1945], intro. article, comp. volumes, prepared text, note. A.M. Kuznetsov. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 656 p. (In Russ.)

Dante, Alighieri. *La Divina Commedia: in tre volumi* [The Divine Comedy: in three volumes], con commenti di Eugenio Camerini. Roma, Fratelli Spada Editore Publ., 2002. V. 1. Inferno. Pp. 13–320. (In Italian).

Dante, Alighieri. *La Divina Commedia: in tre volumi* [The Divine Comedy: in three volumes], con commenti di Eugenio Camerini. Roma, Fratelli Spada Editore Publ., 2002. V. 3. Paradiso. Pp. 603–838. (In Italian).